

УДК 821.161.1

ББК 83.3 (2Рос=Рус)52

This is an open access article distributed under
the Creative Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

© 2019 г. И. А. Виноградов
Москва, Россия

**Ю. Ф. САМАРИН КАК НЕИЗВЕСТНЫЙ АДРЕСАТ «ВЫБРАННЫХ
МЕСТ ИЗ ПЕРЕПИСКИ С ДРУЗЬЯМИ» Н. В. ГОГОЛЯ
К 200-ЛЕТИЮ МЫСЛИТЕЛЯ-СЛАВЯНОФИЛА**

Аннотация: Предлагается решение одной из загадок итоговой книги Гоголя «Выбранные места из переписки с друзьями». Проблема связана с неизвестным адресатом статьи, помещенной в книгу с полемическим названием «Близорукому приятелю». Доказывается, что гоголевским корреспондентом, побудившим писателя в 1844 г. на этот ответ, был выдающийся впоследствии государственный и общественный деятель, публицист и философ-славянофил Ю. Ф. Самарин. Устанавливается, как отразились взгляды начинающего служебную карьеру Самарина в статье Гоголя и почему ранняя неизвестная самаринская статья, посвященная финансовым вопросам и русской истории, вызвала резкую критику писателя. Обобщаются взгляды Гоголя как последовательного славянофила-«государственника»; уясняется целевая направленность «Выбранных мест из переписки с друзьями».

Ключевые слова: Н. В. Гоголь, Ю. Ф. Самарин, биография, творчество, интерпретация, эпистолярная, публицистика, славянофильство, западничество, духовное наследие.

Информация об авторе: Игорь Алексеевич Виноградов — доктор филологических наук, главный научный сотрудник, Институт мировой литературы им. А. М. Горького Российской академии наук, ул. Поварская ул., д. 25 а, 121069 г. Москва, Россия. E-mail: info@imli.ru

Дата поступления статьи: 18.02.2019

Дата публикации: 28.12.2019

Для цитирования: Виноградов И. А. Ю. Ф. Самарин как неизвестный адресат «Выбранных мест из переписки с друзьями» Н. В. Гоголя. К 200-летию мыслителя-славянофила // Вестник славянских культур. 2019. Т. 54. С. 197–212.

Круг известных адресатов итоговой книги Н. В. Гоголя «Выбранные места из переписки с друзьями» (1847) составляют граф А. П. Толстой, А. О. Смирнова, Н. М. Языков, В. А. Жуковский, С. П. Шевырев, граф Матв. Ю. Виельгорский, графиня Л. К. Виельгорская. Кроме того, в книге заключен целый ряд скрытых (но узнаваемых) адресных назиданий друзьям и знакомым — М. П. Погодину, К. С. Аксакову, А. А. Иванову, князю П. А. Вяземскому, В. Г. Белинскому.

Первый, наиболее очевидный круг адресатов устанавливается, главным образом, по тем инициалам, которыми сопровождал сам Гоголь названия некоторых из своих литературных посланий. Однако несколько писем в книге не имеют таких опознавательных помет. К числу этих посланий относится статья откровенно славянофильского

содержания, помещенная в «Выбранные места...» с полемическим названием «Близорукому приятелю». В этой статье, датированной самим Гоголем 1844 г., писатель обвиняет своего корреспондента за следование мнениям западных писателей-экономистов в осмыслении финансовых проблем России, а также выговаривает приятелю за игнорирование в его рассуждениях участия Промысла в русской истории. Вопрос о том, к кому обращал Гоголь это послание, составляет одну из загадок гоголевской книги.

Хотя подсказок по поводу адресата статьи «Близорукому приятелю» автор не оставил, есть основания полагать, что она является ответом на не дошедшее до нас письмо, отправленное в 1844 г. Гоголю Юрием Федоровичем Самариным (1819–1876), известным впоследствии славянофилом, публицистом, философом, крупным общественным и государственным деятелем.

В то время, в середине 1840-х гг., Ю. Ф. Самарин только начинал свое служебное и общественное поприще. 3 июня 1844 г. он защитил в Московском университете магистерскую диссертацию «Стефан Яворский и Феофан Прокопович как проповедники» (М., 1844) и в августе того же года переехал в Петербург, предполагая поступить здесь на службу либо в Министерство юстиции, возглавляемое графом В. Н. Паниным, либо в Министерство внутренних дел, находившееся в ведении Л. А. Перовского. Об этих планах сам Самарин незадолго до отъезда из Москвы сообщал своему двоюродному брату, князю Д. А. Оболенскому: «Куда поступлю, еще не знаю, к Панину или к Перовскому; но вероятнее ко второму» [9, с. 74]. Планы Самарина не были гадательными: они определялись давними связями при Дворе его отца. В первой половине 1820-х гг. действительный статский советник, шталмейстер и камергер Федор Васильевич Самарин (1784–1853) состоял в придворном штате при вдовствующей Императрице Марии Феодоровне. В 1819 г. последняя, вместе с сыном Императором Александром I, была восприемницей при крещении сына Федора Самарина Юрия — будущего славянофила. Мать Ю. Ф. Самарина, Софья Юрьевна, была фрейлиной Императрицы, дочерью сенатора и поэта Ю. А. Нелединского-Мелецкого, статс-секретаря Императора Павла I.

27 октября 1844 г. Ю. Ф. Самарин поступил на службу «к Панину», т. е. в Департамент Министерства юстиции, где пребывал, в ожидании штатной должности, до 20 февраля 1845 г. После этого он сменил место службы и перевелся в Правительствующий Сенат, на должность старшего помощника первого департамента Сената; в конце 1845 — начале 1846 гг. служил одним из секретарей в канцелярии Общего Собрания первых трех департаментов Сената [8]¹. Позднее, в феврале 1846 г., состоялось намеченное Самариним еще летом 1844 г. определение «к Перовскому» — в Министерство внутренних дел [8, с. 135, 147, 160]².

К самым первым месяцам пребывания Самарина в Петербурге относится его знакомство и сближение с Александрой Осиповной Смирновой, в свою очередь бывшей ранее фрейлиной при Императрице Марии Феодоровне (восприемнице Самарина). Кроме того, А. О. Смирнова была давним другом и постоянным корреспондентом Гоголя — а также целой плеяды других известных поэтов и писателей: А. С. Пушкина, В. А. Жуковского, князя В. Ф. Одоевского, князя П. А. Вяземского, М. Ю. Лермонтова. Со времени знакомства Самарина с Смирновой и начинается его сближение с Гоголем.

¹ Адрес-календарь, или Общий штат Российской Империи на 1846 год. СПб.: При Императорской Академии наук, <1846>. Ч. 1. С. 88. — «Состояние чинов по 1-е Декабря 1845 г.».

² Адрес-календарь, или Общий штат Российской Империи на 1847 год. СПб.: При Императорской Академии наук, <1847>. Ч. 1. С. 9, 154. — «Состояние чинов по 1-ое Декабря 1846 г.»; [8, с. 135, 147, 160].

С Гоголем Самарин был в ту пору уже знаком — хотя не близко. Еще в декабре 1839 г., а именно с 23 числа, он, в числе других гостей, слушал у Аксаковых авторское чтение второй и третьей глав первого тома «Мертвых душ» [1, т. 3, с. 376–377]. Еще дважды Самарин видел Гоголя у Аксаковых 6 января и 29 марта 1840 г., а затем два раза присутствовал на именинных обедах Гоголя в саду у М. П. Погодина 9 мая 1840 г. и 9 мая 1842 г. Тем не менее, по словам С. Т. Аксакова, вспоминая об именинном обеде 1840 г., с Самариним Гоголь «был знаком еще мало» [1, т. 3, с. 432]. Именно встреча в 1844 г. в Петербурге с Смирновой дала возможность Самарину впервые обратиться к Гоголю с письмом.

Вскоре по приезде в Петербург Самарин 10 сентября 1844 г. сообщал в Москву своему близкому приятелю и единомышленнику, славянофилу Константину Аксакову: «Самое замечательное, по моему мнению, лицо в Петербурге это — Александра Осиповна Смирнова; с нею я выдаюсь часто и толкую о Гоголе. <...> Они в постоянной переписке. <...> До него дошла моя диссертация, которую он читал в последнее время» [9, с. 143]. 3 ноября 1844 г. сама Смирнова извещала Гоголя: «Самарин — удивительная жемчужина в нашей молодежи. Он может сравниться душою с Михаилом Михайловичем <Виельгорским>, а умом его выше» [5, т. 12, с. 504]. Спустя три недели, 26 ноября³, Смирнова вновь писала Гоголю: «У меня для вас лежат два пакета книг, остановка за оказией. Между ними и “Феофан” от Самарина (имеется в виду диссертация Самарина. — *И. В.*). Маленькое письмо от него при сем распечатано за неприличность своего облачения...» [5, т. 12, с. 538]. Из дальнейших строк письма Смирновой явствует, что вместе с письмом (которое, к сожалению, не сохранилось и до нас не дошло) Самарин отправил Гоголю, через Смирнову, еще одно послание — какую-то свою статью (эта статья тоже неизвестна). Прочитав первую самаринскую статью, Смирнова замечала: «Самарина статья мне очень понравилась, в ней много прекрасного. Но мне показалось, что более передумано об истине христианской, чем перечувствовано» [5, т. 12, с. 538].

До настоящего времени упоминание Смирновой в письме к Гоголю о какой-то «статье» Самарина не привлекало внимания исследователей. Вопрос о том, что это была за статья, оставался открытым. Как следует из ответного письма Гоголя к Самарину от 24 декабря (н. ст.) 1844 г., и письмо, и статью его он тогда получил: «Благодарю вас за письмо и за усердное желание попотчевать меня вашим Феофаном, которым я однако уже попотчевал <себя> сам прежде. В книге много ума и видны большие средства, которыми наградил Бог автора. <...> Как из этого сочинения, так и из других писанных вами и находя<щихся> в рукописи (если только присл<анное> Аксаковым мне о М<ертвых> д<ушах> есть ваше), видно то, что автору следует писать о многом, наиболее относящемся к современным вопросам...» [5, т. 12, с. 552].

Очевидно, что, упоминая, во множественном числе, о «находящихся в рукописи» статьях Самарина, Гоголь подразумевал при этом не только самаринскую статью о «Мертвых душах», полученную им в мае 1843 г. от К. С. Аксакова (эта статья хорошо известна; она относится ко второй половине октября 1842 г.), но и другую статью — очевидно, отправленную писателю Самариним через Смирнову в ноябре 1844 г.

По всей видимости, вторая — несохранившаяся — статья Самарина получила ответ Гоголя дважды: не только в виде уже приводившейся краткой записки к Самарину от 24 декабря 1844 г., но и в качестве развернутой публичной статьи «Близорукому приятелю» в «Выбранных местах из переписки с друзьями». На то, что письмо «Близорукому приятелю» является ответом на неизвестную статью Самарина, указывает сразу целый ряд обстоятельств.

³ Письмо, по-видимому, было отправлено позднее, 3/15 декабря 1844 г. (см.: [1, т. 4, с. 621]).

Во-первых, и в письме к Самарину от 24 декабря 1844 г., и в статье «Близорукому приятелю» 1844 г. Гоголь подчеркивает незаурядный «ум» своего корреспондента — ум «действительно замечательный и великий» [5, т. 6, с. 134]. (На выдающийся ум Самарина указывала и Смирнова в цитированном выше письме к Гоголю от 3 ноября 1844 г.)

Далее. Самарина и неизвестного адресата статьи «Близорукому приятелю» объединяют одинаковые занятия русской историей. 10 сентября 1844 г., спустя месяц по приезде в Петербург, Самарин сообщал К. С. Аксакову: «Я <...> продолжаю заниматься русскою историею. Пишу статью о Новгороде⁴...» [9, с. 143]. По поводу занятий своего корреспондента русской историей Гоголь в статье «Близорукому приятелю» замечал: «Что ссылаешься ты на историю? История для тебя мертва, — и только закрытая книга. Без Бога не выведешь из нее великих выводов...» [5, т. 6, с. 134]. (Тут же Гоголь сообщал и о том, что предметом его статьи являются не те вопросы, которые он мог бы, к примеру, обсуждать с приятелем в устных беседах, но те, что были изложены в полуженном от неизвестного письма: «...Не слышу в словах письма твоего, несмотря на весь блеск ума и остроумья, чтобы Бог присутствовал в твоих мыслях в то время, когда ты писал его...» [5, т. 6, с. 134].)

Судя по содержанию статьи Гоголя, в исполненном «ума и остроумья» послании «близорукого приятеля», наряду с размышлениями о русской истории, были также рассуждения о финансах. Эту составляющую послания своего корреспондента Гоголь тоже оценил резко критически: «Мысли твои о финансах основаны на чтении иностранных книг да на английских журналах, а потому суть мертвые мысли» [5, т. 6, с. 134]. — Самарину, несмотря на славянофильские взгляды, действительно не был чужд интерес к вопросам финансовым. Причем эти вопросы он рассматривал — так же, как и адресат гоголевской статьи «Близорукому приятелю», — не только опираясь на русскую историю, но и на учения современных «французских и английских экономистов» [9, с. 430]. В письме к А. Н. Попову от июля 1849 г. Самарин, в частности, сообщал: «Занимаюсь политической экономией и финансами. Вам можно это сказать, а <Константин> Аксаков поступил бы со мною за это, как с чернокнижником» [9, с. 300]. (О своем интересе к финансовым и экономическим вопросам Самарин упоминал также в письмах к С. П. Шевыреву от апреля-мая 1846 г. [9, с. 440] и к А. С. Хомякову от августа 1849 г. [9, с. 430–433].)

Кроме того, на Самарина в статье «Близорукому приятелю», по-видимому, указывают слова Гоголя о широких честолюбивых планах своего корреспондента. Из статьи явствует, что «близорукий приятель» намеревался совершить блестящую государственную карьеру и вынашивал в связи с этим масштабные преобразовательные проекты.

Младший брат Самарина, П. Ф. Самарин, сообщал: «Ю<рий> Ф<едорович> поступил на службу по министерству юстиции 27-го октября 1844 года в качестве чиновника, причисленного к департаменту министерства, впредь до открытия в том департаменте приличной званию его штатной должности» [8, с. 143]. Сам Самарин в письме к Аксакову от середины ноября — начала декабря 1844 г. (т. е. в период отправления к Гоголю письма и статьи) сообщал: «Ты, вероятно, знаешь, что я на службе, хотя еще

⁴ П. Ф. Самарин указывал: «Здесь разумеется статья “Вече и Князь”, которая была окончена Ю<рием> Ф<едоровичем> в начале 1845 года и послана была А. С. Хомякову. <...> Статья эта не была напечатана. В настоящее время сохранилась только вторая ее часть, в которой выясняется понятие о княжеской власти, сложившейся в древней Руси» [8, с. 143]. См. также: [10].

не занимаю штатного места. Пока меня припишут к столу, я буду составлять доклады» [9, с. 144]. В том же письме к Аксакову Самарин размышлял: «Мне кажется, что все мы мало пишем... <...> Я теперь попал в среду совершенно новую и вижу, до какой степени то, что мы принимаем за известное, за допущенное, за доказанное, — для большинства людей умных вовсе неизвестно, не доказано, даже не понятно. — Я продолжаю заниматься русскою историею понемногу» [9, с. 147].

Вероятно, в предвкушении повышения по службе Самарин, не имея в то время даже штатного места, однако вполне рассчитывая на родственные связи при дворе, стал строить некоторые планы, которые смог бы осуществить, получив соответствующую его способностям должность. Можно предположить, что опыт одного из «докладов», составлять которые ему поручили по службе, — «умного» обзора с планами широких государственных преобразований, — содержащего даже не один, а несколько административных проектов, Самарин в те дни и отправил, в виде статьи, Гоголю, желая знать мнение писателя о характере и направлении своей предполагаемой служебной деятельности. — О подобных обширных проектах государственного масштаба — в которых, впрочем, по критической гоголевской оценке, видна была «скорее боязнь, нежели предусмотрительность» [5, т. 6, с. 134], — в статье «Близорукому приятелю» упоминается дважды: «Ты позабыл даже своеобразие каждого народа... <...> Не вижу и в проектах твоих участия Божьего... <...> В твоих нынешних проектах видна <...> боязнь...» [5, т. 6, с. 134].

Отправить Гоголю статью универсального, масштабного характера Самарин должен был именно в самом начале своей службы — в октябре-ноябре 1844 г., т. е. именно тогда, когда и состоялась передача им Смирновой двух не дошедших до нас его посланий, — о письме и статье Самарина Смирнова сообщила Гоголю 26 ноября 1844 г. Ибо вскоре, уже в декабре, Самарин на деле убедился, что от его трудов по составлению служебных докладов творческой инициативы никто не ждет: их составление превратилось для него в сухую формальность, и вера в возможность придать своей должностной деятельности всеобъемлющий характер остыла. Вероятно, пережив тогда небезболезненное разочарование, Самарин, прослуживший в Министерстве юстиции лишь полтора месяца, 16 декабря 1844 г. советовал А. Н. Попову: «Вот вам мой совет, основанный на опыте: ученые занятия должны идти своим чередом, служебные — своим; они никогда не встретятся и не сольются» [9, с. 270]. 21 декабря 1844 г. он же писал отцу: «...Вы спрашиваете меня, в чем состоят мои занятия по службе. Мне присылают из департамента в запечатанных конвертах дела... <...> Я составляю из них извлечения, разбиваю нескладные, бесконечные периоды на несколько коротеньких, <...> потом даю свое мнение. Все это поступает прямо к Данзасу⁵, который перечитывает, иногда советует кое-что дополнить, исключить или переменить, и, наконец, все это поступает к гр<афу> Панину. Дальнейшая участь моих докладов мне неизвестна» [9, с. 312].

Очевидно, что для человека с широкими планами и амбициями работа над такими «докладами» представлялась рутинной и формальной и вовсе не могла составлять то важное дело, на которое, поступая на службу, рассчитывал Самарин. Позднее, 8 мая 1846 г., Смирнова извещала о нем Гоголя: «Его положение самое трудное, самое тяжкое; он служит по желанию отца и служит с ужасным убеждением, что ничего нельзя сделать для России» [5, т. 13, с. 321]. В сентябре 1845 г. Самарин, перейдя к тому времени на службу в Сенат, писал Аксакову: «<...> Я завален работою... <...> Всего досаднее

⁵ Борис Карлович Данзас (1799–1868), знакомый А. С. Пушкина, бывший декабрист, директор департамента Министерства юстиции в 1839–1844 гг., впоследствии сенатор.

то, что время и труды пропадают даром. В этой кипе бумаг, которую я перечитал, знаю наперед, — недобросовестная, умышленная ложь или вранье; читаешь и чувствуешь, что тебя надувают, а делать нечего. Завтра наскоро, поверхностно расскажешь все это, а тебя не только не будут слушать, даже не возьмут на себя труда принять вид, что слушают. С какою оскорбительною небрежностью все это делается, ты себе представить не можешь. (Внимание, которого требовал для себя начинающий чиновник, могло выглядеть в глазах его начальника — а им вновь оказался Б. К. Данзас — посягнутием едва ли не на сенаторские полномочия. При решении всех дел право голоса предоставлялось только сенаторам. — *И. В.*) За этим бездельем проходят дни, недели и месяцы. <...> Объявляю, что я скоро, скоро оставлю Петербург и уж навсегда» [9, с. 166] (намерение оставить Петербург Самарин тогда, однако, не осуществил).

Странное «совпадение», что в Сенате Самарин вновь оказался в подчинении у Б. К. Данзаса, объясняется тем, что последний в начале 1845 г., незадолго до Самарина, тоже был переведен из Министерства юстиции в Сенат и был назначен здесь обер-прокурором Первого департамента и управляющим канцелярией Общего Соборания первых трех департаментов [8, с. 87]. Одним из младших секретарей этой возглавляемой Данзасом сенатской канцелярии и стал вскоре Самарин. Очевидно, Данзас просто «взял» Самарина с собой на новое место службы. 9 января 1845 г. Самарин сообщал отцу: «Я через день езжу к Данзасу, который все еще не успел очистить мне места» [9, с. 315]. Таким образом, с переходом в Сенат для Самарина ничего не изменилось. «Оскорбительная небрежность», с какой Данзас выслушивал его доклады в Сенате, вероятно, случалась и раньше, в период их службы в Министерстве юстиции. По-видимому, Самарин рассчитывал, что с получением в новом учреждении штатного места он приобретет больше полномочий. Однако этого не произошло. Понятно, почему, став чиновником Сената, Самарин продолжил поиски служебного места и к началу 1846 г. определился, по давнему намерению, в Министерство внутренних дел, «к Перовскому».

Надо сказать, что позднее отрицательный чиновно-бюрократический опыт Самарина весьма пригодился Гоголю. Писатель внимательно прислушался к его советам, когда тот, после авторского чтения первой главы второго тома «Мертвых душ», 4 марта 1850 г., высказал ряд замечаний по поводу описания начала служебной деятельности гоголевского героя Тентетникова. Сразу после чтения Самарин отправил Гоголю письмо, где делился своим горьким опытом: «Первое соприкосновение с службою почти всегда бывает решительною минутою в жизни человека и определяет его надолго, если не навсегда. <...> Некоторые, испытав все <...>, продолжают, однако, служить, но смотрят на службу уже не как на средство действовать на жизнь, приносить пользу, а как на предмет достойный во всей его мерзости изучения... как на одну из коренных болезней нашего времени» [5, т. 15, с. 312]. Разбирая образ Тентетникова, Самарин указывал, что «впечатление», произведенное на героя начатой им службой, изображено Гоголем «не <...> совсем верно», ибо «эта деятельность представлена <...> слишком ничтожною и ограниче^нною»: «Т<ентетнико>в — человек, получивший ученое образование; на службу определяет его дядя, действ<ительный> стат<ский> советник; поэтому должно полагать, что он принят был в министерство на тех же правах, на которых поступают все молодые люди, прошедшие полный курс наук и не лишённые вовсе протекции. Но от таких людей теперь уже не требуют изящного почерка; их не сажают за переписывание бумаг. Их определяют прямо в столоначальники, или в помощники столоначальников... <...> Нелепость настоящего устройства всех наших департаментов

и канцелярий заключается совсем не в том, что образованным людям задаются механические занятия, что участие их в делопроизводстве ограничено, а совершенно в противном. <...> Их мучит <...> отрешенность от жизни, <...> отвлеченность их деятельности. Им совестно решать дела по бумагам, из которых ничего не видно, на бумаге, которая в жизнь не перейдет. Чем значительнее обязанность, на них налагаемая, тем совестнее. Их сокрушает не ничтожность предмета занятий, а ничтожность, ограниченность взгляда на предмет, преступная легкость, с которой оно обделывается. В этом случае страждет не самолюбие, а другая, лучшая потребность. Эти люди или бросают службу, или — как Тентетников — приучаются смотреть на нее как на дело второстепенное» [5, т. 15, с. 311–312].

Прочитав замечания Самарина, Гоголь внес тогда в поэму весьма существенные исправления (выделенные далее строки появились в гоголевской рукописи прямо по замечаниям Самарина): «Учившись, воспитавшись, просветившись, сделавши порядочный запас тех именно сведений, какие требуются для <...> исполнения многообразных обязанностей помещика <...>, вверить это место невеже управителю, а себе предпочесть заочное производство дел между людьми, которых я и в глаза не видал, которых я ни характеров, ни качеств не знаю, предпочесть настоящему управлению это бумажное фантастическое управление провинциями, отстоящими за тысячи верст, где не была никогда нога моя и где могу наде<лат> только кучи несообразностей и глупостей»⁶; «<...> И стал он, по примеру других столоначальников, решать на бумаге дела людей, живущих за три тысячи верст, чуть не предписывать законы, правил<а>. Чувство самолюбивой гордости в нем сильно зашевелилось. Но честолюбие продолж<ало> <занимать его не долго>. Слава Богу, ослеплен <был> не до того. Случай привел увидеть, в каком виде исполняется на деле то, что красно на словах, и дыбом поднялся у него на голове <волос>. С ужасом увидел, сколько может наделать вреда [всякий] даже и стремящийся пр<иносить> пользу. Как безумны столоначальники, думающие, что они могут заглазно управлять и заочно решать. Он охладил вдруг честолюбивое стремление»⁷.

Каковы бы ни были действительные причины разочарования Самарина в службе, однако его охлаждение к деятельности в Министерстве юстиции наступило не сразу. Поначалу, в октябре-ноябре 1844 г., он еще надеялся на воплощение своих честолюбивых замыслов. Но именно против широких преобразовательных планов начинающего карьеру чиновника и выступал Гоголь — и в упомянутой «тентетниковской» главе второго тома поэмы, и — еще ранее — в статье «Близорукому приятелю». Возражая против намерения превратить государственную службу в поприще для воплощения давних заветных идей, Гоголь предупреждает своего «близорукого» корреспондента: «Не заводи этих улучшений, которыми уже наполнилась твоя голова еще прежде, чем ты вступил в свою должность, и помни, что всяким малейшим неосмотрительным поступком можно произвести теперь большое зло».

Вероятно, имея в виду честолюбивые замыслы двадцатипятилетнего Самарина, его небеспочвенные — питаемые и отцовской протекцией, и собственными достоинствами — надежды на повышение, Гоголь в статье «Близорукому приятелю» замечал: «Ты метишь в государственные люди, и будешь человеком государственным, потому что у тебя, точно, есть на то способности; но тем строже теперь смотри за собой» [5, т. 6, с. 134].

⁶ Цит. по автографу: Российская государственная библиотека (РГБ). Ф. 74. К. 1. Ед. хр. 34. Л. 8. — Ср.: [5, т. 5, с. 381].

⁷ РГБ. Ф. 74. К. 1. Ед. хр. 34. Л. 6. — Ср.: [4, с. 290].

Карьера Самарина действительно была стремительной. 9 февраля 1846 г., еще будучи по-прежнему в чине титулярного советника, он получил, наконец, желаемое повышение. По его прошению, поданному 14 января 1846 г. [8, с. 168], из Правительствующего Сената он был переведен в Министерство внутренних дел, стал здесь чиновником особых поручений 8-го класса при министре Л. А. Перовском, 19 января 1846 г. был удостоен звания камер-юнкера [8, с. 172] и причислен, как ранее его отец, к придворному штату. 27 января 1846 г. он уже сообщал Аксакову: «Я <...> перешел в министерство внутренних дел...» [9, с. 168]. К. Н. Лебедев, чиновник и литератор, служивший в 1844–1847 гг. в Министерстве юстиции — а в 1849 г. в Сенате (впоследствии стал сенатором), — в конце марта 1849 г. записал в своем дневнике: «Нынче много толкуют о молодом человеке Юрии Самарине. Начав службу у нас, этот барич и баловень Московский, с замечательными способностями и познаниями, перешел в М<инистерство> В<нутренних> Дел по содействию зятя Виельгорских Веневитинова...» [6, с. 356]. (А. В. Веневитинов, брат поэта Д. В. Веневитинова, статский советник, был в то время управляющим канцелярией департамента Министерства внутренних дел.)

Строго говоря, «предсказание» Гоголя о том, что Самарин будет «человеком государственным», никакого действительно предвидения в себе не заключало. Даже если предположить, что Гоголю ничего не было известно о родословной Самарина, то к моменту публикации письма «Близорукому приятелю» в «Выбранных местах...» о быстром продвижении молодого человека по службе он уже знал. Смирнова 21 февраля 1846 г. сообщала Гоголю: «Самарин очень рад вашему письму <от 3 января (н. ст.) 1846 г.>; он камер-юнкером сделан» [5, т. 13, с. 287]. О своем служебном повышении Смирновой, находившейся тогда в Калуге, сообщил сам Самарин, который тогда же, в середине февраля 1846 г., отправил письмо с таким же известием Гоголю: «Я переменил службу, перешел в Министерство Внутренних Дел и прикомандирован был к комитету по лифляндским делам: теперь я завален делом. <...> Вероятно, через месяц или два, я поеду в Ригу...» [5, т. 13, с. 337]. (Со службой в Риге, куда Самарин выехал 21 июля 1846 г., связан один из самых ярких эпизодов в его государственной деятельности.)

Немаловажно также то, что ко времени публикации «Выбранных мест из переписки с друзьями» Гоголю были известны и исповедальные слова Самарина в другом его послании, относящемся к более позднему времени, к середине января 1846 г. Это письмо, на которое Гоголь отвечал несколько месяцев спустя, 6 июля (н. ст.) 1846 г., по-видимому, и стало для писателя окончательным аргументом в пользу помещения статьи «Близорукому приятелю» в готовящуюся книгу. Намек на принятое тогда Гоголем решение он сам оставил в ответном письме к Самарину: «Благодарю вас весьма много за ваше письмо. Я его читал с большим любопытством. Ответ на него будет потом <...> <получен> вами [несколько удивительным] и довольно вами] неожиданным образом» [5, т. 13, с. 353]. Эти гоголевские строки позволяют наконец с достаточной уверенностью утверждать, что послание «Близорукому приятелю» в «Выбранных местах из переписки с друзьями» было адресовано именно Самарину.

Исповедальное письмо Самарина к Гоголю, от середины января 1846 г., — то, что послужило заключительным толчком к помещению статьи «Близорукому приятелю» в гоголевскую книгу, — было ответом на письмо к Самарину самого Гоголя. 3 января (н. ст.) 1846 г. он обращался к молодому славянофилу: «Вы были *ненадежны*, и странно, что это говорил всяк, в первый раз вас видевший. Почти всяк был уверен, что все прекрасные чувства, вас одушевлявшие, будут в вас недолговременны и что вы непременно изменитесь в свете; почти то же думал и я. Но теперь я за вас не боюсь,

вы спасены; спасла вас сестра (Гоголь имеет в виду А. О. Смирнову. — *И. В.*) и любовь во Христе, которую вы отныне будете к ней питать и которую будете питать потом ко всем» [5, т. 13, с. 240].

В ответном, исповедальном письме Самарин соглашался с Гоголем — и, соглашаясь, подробно изложил ему свою «историю болезни»: «И вы, и многие другие считали меня ненадежным, <...> на меня смотрели <...>, как на больного, осужденного на смерть, и которого никто не берется лечить, зная, что труды пропадут даром. <...> Болезнь моя принадлежит к числу самых обыкновенных в наше время <...>: это одностороннее развитие ума, погасившее чувство и подорвавшее волю... <...> У меня есть убеждения, но нет ни веры, ни любви. <...> Я знаю, как это случилось. <...> Случайно попались мне в руки некоторые произведения современной французской литературы; я помню, как сильно они потрясли меня. Горделивое восстание личного духа против мирового порядка предстало мне в идеальном образе современной поэзии; его неотразимый соблазн пленил меня. <...> Я успел откинуть от себя все сочувствия, врожденные и привитые воспитанием, всю покорность к религиозным началам, к семейным обычаям... <...> Таким образом был я приготовлен, когда я встретился с нашими общими знакомыми (Самарин, выпускник Московского университета 1838 г., общался в Москве с славянофилами К. С. Аксаковым, А. С. Хомяковым, братьями И. В. и П. В. Киреевскими, А. И. Кошелевым, с западниками А. И. Герценом, Т. Н. Грановским и др. — *И. В.*); мысль моя, развившись односторонне на счет других способностей, приобрела ту непреклонную, холодную последовательность, <...> которая позволила мне стать с ними в уровень и принять самостоятельное участие в бесконечных спорах. <...> Отстранив живое сочувствие и приступив к Христианству с требованиями логического постижения, я должен был дойти до того же, до чего дошла новейшая философия, т. е. до совершенного отрицания не только христианства, но вообще всякого бытия первоначального, независимого от знания. За этим крайним пределом отрицания возникает требование воссоздать разрушенное... <...> Таким образом <...> я дошел до признания живой истины и необходимости живого ее постижения, но самое это признание было <...> только <...> тощее творение мысли. <...> Тут только я понял всю цену <...> отвергнутого мною. Я сам обессилил в себе душевный орган живого постижения; я был равнодушен к найденной истине. <...> Только с переезда моего в Петербург приобрело это для меня всю достоверность и ясность пережитого опыта. Здесь все мне было чуждо, если не прямо враждебно... <...> Я имел дело с безмолвным, неосязаемым врагом; не опровержениями он подрывал мои убеждения; он грозил пересоздать меня с ног до головы, приманками он склонял меня на уступки. И к стыду своему, я понял, как много я мог уступить и как легко, понял, как слабо одно холодное убеждение против давления света. Это была самая опасная минута — спасла и поддержала меня встреча с А<лександрой> О<сиповой> <Смирновой>. Она оценила во мне именно то, чего свет не ценил, над чем он смеялся; ее участие вознаградило меня за все мои страдания; я сделался равнодушен к свету и ко всем его приманкам; я совершенно отстал от него и навсегда» [5, т. 13, с. 333–337].

Судя по всему, признания Самарина о его душевном кризисе, связанном с пагубным увлечением западной литературой, и стали тогда для Гоголя окончательным толчком к решению включить в «Выбранные места...» письмо «Близорукому приятелю». Послание, адресованное одаренному, способному юноше, неразумно увлекающемуся плодами новейшей односторонней мысли, показалось Гоголю необходимым ради предостережения от такой опасности других молодых людей.

Дополнительным важным аргументом в пользу того, что адресатом письма «Близорукому приятелю» был именно Самарин, может служить само содержание гоголевского послания — в сопоставлении его с биографическими данными, касающимися Самарина.

По приезде в Петербург короткое общение Самарин завязал только с Смирновой. Привычка делиться в общем кругу приятелей возникающими мнениями по тем или иным общественным вопросам, сложившаяся в Москве, почти не имела выхода — и письмо к Гоголю, вероятно, продиктовано было этой душевной потребностью доверить кому-то свое суждение. В одном из своих ранних писем из Петербурга, от начала февраля 1845 г., Самарин жаловался Аксакову: «Здесь решительно не с кем переговорить, даже поспорить. <...> Здешний мыслящий человек получил другое воспитание, <...> вся жизнь его, мысль, сочувствия, деятельность направлены не в ту сторону, в которую смотрим мы. Охота спорить пропадает...» [9, с. 155].

Далее в том же письме Самарин замечал: «Я занимаюсь теперь русскую историю и чувствую потребность воздержаться на время от общих выводов и общих построений; я хочу подвергнуть исследованию все наши положения: об отсутствии завоевания, об отсутствии аристократии, о значении личной власти и т. д. Для этого нужно пройти все источники русские и иностранные...» [9, с. 156].

По-видимому, переехав из Москвы в Петербург, Самарин, под влиянием новых впечатлений — вступив тогда в борьбу «с безмолвным, неосязаемым врагом», с искусительными «приманками» петербургской жизни — стал испытывать некоторые сомнения в верности недавно отстаиваемых славянофильских убеждений — и вследствие этого предложил Константину Аксакову для их проверки обратиться не только к русским, но и к «иностранным» источникам.

Но именно за подобные колебания, за склонение к чуждым, не применимым к русской жизни западным воззрениям и упрекает Гоголь своего «близорукого приятеля»: «Россия не Франция; элементы французские — не русские. <...> Стыдно тебе, будучи умным человеком, не войти до сих пор в собственный ум свой, который мог бы самобытно развиваться, а захламосить его чужеземным навозом» [5, т. 6, с. 134].

В числе сходных черт, объединяющих Самарина с адресатом гоголевского наидания «Близорукому приятелю», обращает на себя внимание и обращенный в нем упрек «приятелю» в схоластическом мышлении: «Ты горд чужим, мертвым умом, а выдаешь его за свой» [5, т. 6, с. 134]. За пристрастие к схоластике Гоголь в те же годы многократно обличал друга Самарина, Константина Аксакова, имея в виду, в частности, «немецкий» стиль диссертации последнего о Ломоносове — «Ломоносов в истории русской литературы и русского языка». Надо сказать, «схоластические», сходные недостатки собственной магистерской диссертации «Стефан Яворский и Феофан Прокопович...» сознавал в ту пору уже и сам Самарин. 2 октября 1844 г. он советовал Аксакову, заканчивавшему свое исследование о Ломоносове: «Воспользуйся моим опытом: избегай, по возможности, философской терминологии, а к тем словам, которых никак заменить нельзя, прилагай объяснение в скобках. Со всех сторон я слышу обвинения: зачем в моей диссертации так много иностранных, непонятных выражений» [9, с. 144]. Тем не менее окончательно от указанного недостатка Самарин в то время, очевидно, еще не избавился, чем и вызвал на себя критику Гоголя, поставившего его, по неизжитой приверженности славянофила-«любомудра» к схоластике, в один ряд с Константином Аксаковым.

Завершается гоголевская статья «Близорукому приятелю» упреками адресату в гордости: «Ты горд — говорю тебе, и вновь повторяю тебе: ты горд; сторожи над собой и спасай себя от гордости...» [5, т. 6, с. 134]. Сами по себе эти гоголевские строки свидетельствуют о том, что статья, обличающая «близорукого», неразумного приятеля в чтении «иностранных книг» и «английских журналов», была адресована не только западникам, но и славянофилам, — к числу которых принадлежал Самарин, — и даже относилась к последним в еще большей мере, чем к первым. В другой статье «Выбранных мест из переписки с друзьями», в письме «Споры», Гоголь отмечал: «...Дух гордости обуял обоими. Всякий из них уверен, что он окончательно и положительно прав... <...> Кичливости больше на стороне славянистов... <...> Разумеется, что таким строптивым хвастовством вооружают они еще более противу себя европистов, которые давно бы готовы были от многого отступить, потому что и сами начинают слышать многое, прежде не слышанное, но упорствуют, не желая уступить слишком раскозырявшемуся человеку» [5, т. 6, с. 52].

В заключительной статье «Переписки с друзьями» «Светлое Воскресенье» Гоголь восклицал: «Диавол выступил уже без маски в мир. Дух гордости перестал уже являться в разных образах и пугать суеверных людей, он явился в собственном своем виде. <...> Поразительно: в то время, когда уже было начали думать люди, что образованием выгнали злобу из мира, злоба другой дорогой, с другого конца входит в мир, — дорогой ума, и на крыльях журнальных листов, как всепогубляющая саранча, нападает на сердце людей повсюду...» [5, т. 6, с. 201]. Убеждая современников — и далеких от него западников, и близких ему «восточников» — в том, что только о христианской любви «следует» всем «заботиться», что только «она одна» есть «истинно верная и доказанная истина» [5, т. 15, с. 50], Гоголь главное свое обличение обращал прежде всего к тем, кто был более способен его понять — к близким к христианству славянофилам.

Очевидно, именно поэтому, восставая против разъедающих общество гордости и кичливости, Гоголь в последних строках статьи, адресованной Самарину, настаивает на необходимости для «близорукого приятеля» пройти серьезное — очистительное испытание: «Моли Бога о том, <...> чтобы встретилась тебе какая-нибудь невыносимейшая неприятность на службе, чтобы нашелся такой человек, который сильно оскорбил бы тебя и опозорил <...> в виду всех, <...> и разорвал бы за одним разом все чувствительнейшие струны твоего самолюбья. Он будет твой истинный брат и избавитель. О, как нам бывает нужна публичная, данная в виду всех, оплеуха!» [5, т. 6, с. 135].

Можно предположить, что, публикуя статью в книге, представляя самонадеянность «близорукого приятеля» на суд публики, Гоголь преследовал именно цель «разорвать», «за одним разом», «чувствительнейшие струны самолюбья» юного Самарина. Такую же «публичную оплеуху» получил, как известно, от Гоголя в «Переписке с друзьями» — в статье «О том, что такое слово» — его друг и единомышленник историк М. П. Погодин, которого писатель укорил за профанацию заветных, одинаково важных и дорогих для них обоих, христианских и славянофильских идей. Обиженный обличением, Погодин отвечал Гоголю: «Друг мой! Иисус Христос учит нас, получив оплеуху в одну ланиту, подставляя со смирением другую; но где же он учит давать оплеухи?» [5, т. 14, с. 92] (см. также: [5, т. 14, с. 96; 5, т. 14, с. 137]). Погодин, безусловно, имел в виду здесь не только прямо адресованное ему назидание в статье «О том, что такое слово», но и строки об «оплеухе» в статье «Близорукому приятелю».

На совершенно тождественное «обличительное» отношение Гоголя к двум друзьям — Погодину и Самарину — говорит, в частности, в его книге и то, что как в статье

«О том, что такое слово», с критикой Погодина, так и в статье «Близорукому приятелю», адресованной Самарину, он употребляет один и тот же запоминающийся образ. О Погодине Гоголь пишет: «Тридцать лет *работал* и хлопотал, *как муравей*, этот человек, торопясь *всю жизнь свою* передать поскорей <...>, что ни находил на пользу просвещения <...> русского... И <...> ни одного признательного юноши я не встретил, который бы сказал, что он обязан ему каким-нибудь новым светом...» [5, т. 6, с. 21–22] (курсив мой. — *И. В.*). «Близорукому приятелю» — Самарину Гоголь выговаривает: «...Ты стремишься <...> быть похожим на тех государственных людей, <...> которые имели в себе все для того, чтобы сделать множество добра, которые <...> *работали, как муравьи, всю свою жизнь*, и при всем том не осталось после них никакого следа...» [5, т. 6, с. 135] (курсив мой. — *И. В.*).

Обличение в статье «Близорукому приятелю» Самарина, *патриотически* настроенного чиновника, в приверженности к *западным* мнениям, в свою очередь, абсолютно тождественно неизменному, на протяжении целого десятка лет, обличению в *западничестве* признанного *патриота* и радикального *славянофила* Константина Аксакова. Во всех этих критических выступлениях, адресованных Гоголем его друзьям и единомышленникам, сказывалась особая позиция писателя как славянофила-«государственника» (см. подробнее: [2; 3]) — мыслителя, противопоставляющего свой христианский, примирительный, «охранительный» образ мыслей взглядам оппозиционно, подчас воинственно и даже «революционно» настроенных приятелей. В конце 1845 г. Самарин не без горькой иронии писал Аксакову об их московских беседах: «Мы вели такие разговоры, <...> что не идти на другой день на Петербург войною значит дать шаг назад и уронить себя в общем мнении» [9, с. 152].

Для понимания характера гоголевской критики в адрес славянофила Юрия Самарина особенности твердой, давней позиции Гоголя как славянофила-«государственника» имеют первостепенное значение. Вопреки распространенному мнению, будто писатель находился «между» противоборствующими течениями его времени (см., в частности: [7, с. 375]) — «между стульями» западничества и славянофильства, Гоголь в действительности не только всецело принадлежал к стороне «восточников», но во многом и превосходил последних в духовном, религиозно-политическом, консервативном отношении. Известно, что славянофильству была присуща изрядная доля радикализма и оппозиционности. Не одобряя этих черт близкого ему по духу общественного течения, Гоголь, будучи еще более резким критиком западных воззрений, предъявлял определенные претензии и к некоторым представителям славянофильской партии — той партии, к которой в главном принадлежал сам. Возражая на оппозиционные настроения друзей, Гоголь вслед за Н. М. Карамзиным и С. С. Уваровым во главу угла славянофильства ставил интересы России как уникального государства единственного славянского народа, сохранившего в истории свою независимость и самобытность. Именно это объясняет глубоко «охранительное» отношение Гоголя к российской государственности.

В статье «Споры» Гоголь замечал: «Разумеется, правды больше на стороне славянистов и восточников, потому что они все-таки видят весь фасад и, стало быть, все-таки говорят о главном, а не о частях. Но и на стороне европистов и западников тоже есть правда, потому что они говорят довольно подробно и отчетливо о той стене, которая стоит перед их глазами; вина их в том только, что из-за карниза, венчающего эту стену, не видится им верхушка всего строения, то есть главы, купола и все, что ни есть в вышине» [5, т. 6, с. 51–52].

Сдержанная, рассчитанная на публичную огласку и умирение общественной вражды, эта гоголевская характеристика славянофилов и западников чаще всего приводится в доказательство того, что Гоголь будто бы находился «между» двумя течениями. Но в частном письме к Н. М. Языкову от 5 апреля (н. ст.) 1845 г., в котором Гоголь был свободен от соображений публичности, от задачи искоренения ненависти в обществе, он следующим образом уточнял свою характеристику западников: «<...> Ты сам знаешь, что нельзя назвать всего совершенно у них ложным и что, к несчастью, не совсем без основания их некоторые выводы. Преступление их в том, что они некоторые *частности* распространяют на *общее*, исключения выставляют в правила, временные болезни принимают за коренные, во всяком предмете видят *тело* его, а *не дух*, и, близоруко руководствуясь аналогией видимого, дерзают произносить свои суждения о том, что духом своим отлично от всего того, с чем они сравнивают его. Следовало бы, по-настоящему, вооружиться противу сих заблуждений, разъять их спокойно и показать их несообразность, но с тем вместе поступить таким образом, чтобы в то же время и тут им самим дать возможность выйти не совсем бесчестно из своего трудного положения. Тогда <...> многие из них сами обратились <бы> на истинный путь...» [5, т. 13, с. 85–86].

Согласно этим строкам Гоголя, западникам, несмотря на относительную справедливость «их некоторых выводов», еще только предстоит обратиться на тот «истинный путь», по которому давно следуют славянофилы. Но в то же время и «восточники», находящиеся на «истинном пути», по Гоголю, еще не обладают достаточным потенциалом для выполнения задачи общенационального строительства. Хотя и в меньшей мере, они тоже еще не дозрели для того, чтобы быть достойными проводниками «русского духа по русской земле» [5, т. 13, с. 388]. Процесс только в самом начале: «Мы начинаем просыпаться, но еще не вполне проснулись...» [5, т. 6, с. 51]. Для чаемого построения жизни по самобытным, православным началам сделано до сих пор крайне мало: «<...> Славянисты <...> хвастуны; из них каждый <...> найденное им зернышко раздувает в репу» [5, т. 6, с. 52]. На эту скудость вклада славянофилов в общее дело, кстати сказать, указывал и Самарин в письме к Аксакову из Петербурга в Москву в феврале 1845 г.: «Мы еще ничего не доказали или очень немногое; все, что мы утверждаем о нашей истории, о нашем народе, об особенностях нашего прошедшего развития, все это угадано, а не выведено» [9, с. 156]. Словом, хотя западники, несомненно, от истины дальше, однако мировоззрение и раздражающая многих скороспелая деятельность «славянистов» тоже еще не способны «внести в самые огрубелые души святыню» народной жизни — «вызвать нам <...> нашу русскую Россию: не ту, которую показывают нам грубо какие-нибудь квасные патриоты, и не ту, которую вызывают к нам из-за моря очужеземившиеся русские» [5, т. 6, с. 196].

Самарин по прочтении в 1847 г. гоголевской «Переписки с друзьями», возможно, понял, что поводом к написанию статьи «Близорукому приятелю» послужил именно он. 4 марта (н. ст.) 1847 г. еще один из друзей Гоголя, славянофил Ф. В. Чижов, писал ему из Рима в Неаполь: «Самарин писал только одно, что получил вашу книгу, что благодарит вас, хоть говорит: “сильно хотелось бы поспорить”» [5, т. 14, с. 222].

В феврале 1847 г. Самарин писал К. С. Аксакову из Риги: «Говорить ли о книге Гоголя? Она произвела на меня тяжелое и грустное впечатление, такое грустное, какого я давно не испытывал. Прочтя ее, я написал было длинное письмо, которого не послал и в котором почти слово в слово говорил то же, что ты. Да, гордость, гордость отшельника, самая опасная из всех гордостей, затемняет его сознание о его призвании. Слова его не ложатся в душу. <...> Как он всем стал чужд!» [9, с. 189–190].

В черновике неотправленного письма к самому Гоголю Самарин так передавал свое впечатление от его книги: «Это впечатление так неприятно и тяжело, что оно становится преградой между Вами и мною и мне было бы совестно скрывать его от Вас. С первых же слов Вашей книги меня как бы оттолкнули от Вас» [1, т. 5, с. 620].

Так или иначе, но несомненно и то, что назидание Гоголя «Близорукому приятелю» носит не только личный, адресный, но и собирательный характер. Поскольку конкретному адресату, Самарину, Гоголь лично посылать его не собирался, то, создавая литературное послание, он, вероятно, придал ему более общий, универсальный характер — какие-то вопросы заострив, какие-то оставив без внимания. В литературный замысел вошло лишь то, что непосредственно касалось служебной деятельности Самарина, — и, в частности, совсем не было затронуто то, на что, прочитав статью Самарина, обращала в 1844 г. внимание Смирнова («...мне показалось, что более передумано об истине христианской, чем перечувствовано» [5, т. 12, с. 538]). Можно сказать, что письмо Самарина послужило Гоголю лишь поводом для создания статьи. Аналогичным образом пространное гоголевское письмо к Смирновой об обязанностях губернаторши, которое было начато писателем 6 июня (н. ст.) 1846 г. в Праге и закончено месяц спустя, 6 июля (н. ст.) 1846 г., в Карлсбаде, адресовалось, безусловно, не только самой Смирновой, но всей России: отправленное адресату, оно, с названием «Что такое губернаторша», было вскоре напечатано в «Выбранных местах из переписки с друзьями». Это же касается и других писем Гоголя в этой книге.

Статья «Близорукому приятелю», будучи ответом на послание Самарина, тоже была задумана Гоголем отнюдь не для одного конкретного лица: она в значительной мере оказалась адресована всем западникам — первоочередным сторонникам иностранных мнений, а также тем, кто так или иначе, из окружения Гоголя и вне его, был заражен западным влиянием. Именно западничество Гоголь называет в статье «взглядом современной близорукости» — напоминая этим свой отзыв о западниках в письме «Споры» — о тех, что рассуждают о России, подойдя «слишком близко к строению», «говорят довольно подробно и отчетливо о той стене, которая стоит перед их глазами» [5, т. 6, с. 52]. При этом очевидно и то, что, несмотря на собирательный характер статьи «Близорукому приятелю», ее создание было прямо связано с периодом кратковременной службы Самарина в Министерстве юстиции и, конкретно, с его статьей, присланной Гоголю в декабре 1844 г. через Смирнову.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- 1 *Виноградов И. А.* Летопись жизни и творчества Н. В. Гоголя (1809–1852). Научное издание. В 7 т. М.: ИМЛИ РАН, 2017–2018. Т. 3. 1837–1841. 672 с.; Т. 4. 1842–1844. 704 с. Т. 5. 1845–1847. 928 с.
- 2 *Виноградов И. А.* Космополит или патриот? Концепция патриотизма в спорах с Гоголем и о Гоголе // Проблемы исторической поэтики. 2017. Т. 15. № 3. С. 35–69.
- 3 *Виноградов И. А.* Феномен западничества в славянофильстве: взгляд Гоголя // Литературный факт. 2019. № 2 (12). С. 189–224.
- 4 *Гоголь Н. В.* Полн. собр. соч.: в 14 т. Л.: Изд-во АН СССР, 1951. Т. 7. Мертвые души. II / тексты и коммент. В. А. Жданова, Э. Е. Зайденшнура, В. Л. Комаровича. 435 с.
- 5 *Гоголь Н. В.* Полн. собр. соч. и писем: в 17 т. (15 кн.) / сост., подгот. текстов и коммент. И. А. Виноградова, В. А. Воропаева. М.; Киев: Изд-во Московской

- Патриархии, 2009–2010. 664 + 688 + 680 + 744 + 816 + 720 + 968 + 392 + 488 + 704 + 592 + 608 + 624 + 816 + 936 с.
- 6 *Лебедев К. Н.* Из записок сенатора К. Н. Лебедева // Русский Архив. 1910. № 11. С. 353–376.
- 7 *Сакулин П. Н.* Из истории русского идеализма. Князь В. Ф. Одоевский. Мыслитель. — Писатель. М.: Изд-е М. и С. Сабашниковых, 1913. Т. 1. Ч. 1. 616 с.
- 8 *Самарин П.* <Примечания> // Сочинения Ю. Ф. Самарина. М.: Тов. тип. А. И. Мамонтова, 1911. Т. 12: Письма 1840–1853. С. 135–443.
- 9 *Самарин Ю. Ф.* Соч. Ю. Ф. Самарина. М.: Тов. тип. А. И. Мамонтова, 1911. Т. 12: Письма 1840–1853. 478 с.
- 10 *Скорородова С. И.* Проблема власти и общества в работе Ю. Ф. Самарина «Князь» и ее влияние на представителей «московского направления» // Преподаватель XXI век. 2012. № 1. С. 66–275.

© 2019. I. A. Vinogradov
Moscow, Russia

**Y. F. SAMARIN AS AN UNKNOWN ADDRESSEE OF
“SELECTED PASSAGES FROM CORRESPONDENCE WITH FRIENDS”
BY N. V. GOGOL
TO THE 200th ANNIVERSARY OF THE SLAVOPHIL THINKER**

Abstract: The paper is to introduce a solution to one of the riddles of the final book of Gogol “Selected passages from correspondence with friends”. The problem is associated with an unknown addressee of an article published in a book with a controversial title “Near-sighted friend”. The author suggests and proves that the Gogol correspondent who prompted the writer in 1844 to write this answer was an outstanding and later the state and public figure, journalist and Slavophil philosopher Y. F. Samarin. The paper studies and establishes how the views of Samarin, who began his service career were reflected in Gogol’s article, and why an earlier unknown Samarin’s article dedicated to financial issues and Russian history caused such a sharp criticism of the writer. Gogol’s views are summarized as of one consistent Slavophil-“statesman”. The paper also identifies target orientation of the “Selected places from correspondence with friends”.

Keywords: N. V. Gogol, Y. F. Samarin, biography, creativity, interpretation, epistolary, journalism, Slavophilism, Westernism, spiritual heritage.

Information about author: Igor' A. Vinogradov — DSc in Philology, Chief Researcher, A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Povarskaia St. 25a, 121069 Moscow, Russia. E-mail: info@imli.ru

Received: February 18, 2019

Date of publication: December 28, 2019

For citation: Vinogradov I. A. Y. F. Samarin as an unknown addressee from “Selected passages from correspondence with friends” by N. V. Gogol. To the 200th anniversary of the Slavophil thinker. *Vestnik slavianskikh kul'tur*, 2019, vol. 54, pp. 197–212. (In Russian)

REFERENCES

- 1 Vinogradov I. A. *Letopis' zhizni i tvorchestva N. V. Gogolia (1809–1852). Nauchnoe izdanie. V 7 t.* [Chronicle of life and work of N. V. Gogol (1809–1852). Scientific publication. In 7 vols.] Moscow, IWL RAS Publ., 2017–2018. Vol. 3. 1837–1841. 672 p.; Vol. 4. 1842–1844. 704 p.; Vol. 5. 1845–1847. 928 p. (In Russian)
- 2 Vinogradov I. A. Kosmopolit ili patriot? Kontseptsii patriotizma v sporakh s Gogolem i o Gogole [A cosmopolitan or a patriot? The concept of patriotism in disputes with Gogol and about Gogol]. *Problemy istoricheskoi poetiki*, 2017, vol. 15, no 3, pp. 35–69. (In Russian)
- 3 Vinogradov I. A. Fenomen zapadnichestva v slavianofil'stve: vzgliad Gogolia [The phenomenon of Westernism in Slavophilism: Gogol's view]. *Literaturnyi fakt*, 2019, no 2 (12), pp. 189–224. (In Russian)
- 4 Gogol' N. V. *Polnoe sobranie sochinenii: v 14 t.* [Complete works: in 14 vols.] Leningrad, Izdatel'stvo AN SSSR Publ., 1951. Vol. 7: Mertyve dushi [Dead souls]. II, texts and comments by V. A. Zhdanov, E. E. Zaidenshnur, V. L. Komarovich. 435 p. (In Russian)
- 5 Gogol' N. V. *Polnoe sobranie sochinenii i pisem: v 17 t. (15 kn.)* [Complete works and letters: in 17 vols. (15 books)], compilation, preparation of texts and comments by I. A. Vinogradov, V. A. Voropaev. Moscow, Kiev, Izdatel'stvo Moskovskoi Patriarkhii Publ., 2009–2010. 664 + 688 + 680 + 744 + 816 + 720 + 968 + 392 + 488 + 704 + 592 + 608 + 624 + 816 + 936 p. (In Russian)
- 6 Lebedev K. N. Iz zapisok senatora K. N. Lebedeva [From the notes of Senator K. N. Lebedev]. *Russkii Arkhiv*, 1910, no 11, pp. 353–376. (In Russian)
- 7 Sakulin P. N. *Iz istorii russkogo idealizma. Kniaz' V. F. Odoevskii. Myslitel'. — Pisatel'* [From the history of Russian idealism. Prince V. F. Odoevsky. Thinker. — Writer]. Moscow, Izdanie M. i S. Sabashnikovvykh Publ., 1913. Vol. 1. Part 1. 616 p. (In Russian)
- 8 Samarin P. <Primechaniia> [< Notes>]. *Sochineniia Iu. F. Samarina* [Works of Y. F. Samarin]. Moscow, Tovarishchestvo tipografii A. I. Mamontova Publ., 1911, vol. 12: Pis'ma 1840–1853 [Letters of 1840–1853], pp. 135–443. (In Russian)
- 9 Samarin Iu. F. *Sochineniia Iu. F. Samarina* [The Works of Y. F. Samarin]. Moscow, Tovarishchestvo tipografii A. I. Mamontova Publ., 1911. Vol. 12: Pis'ma 1840–1853 [Letters 1840–1853]. 478 p. (In Russian)
- 10 Skorokhodova S. I. Problema vlasti i obshchestva v rabote Iu. F. Samarina “Kniaz” i ee vliianie na predstavitelei “moskovskogo napravleniia” [The problem of power and society in the work of Y. f. Samarin “Prince” and its influence on the representatives of the “Moscow direction”]. *Prepodavatel' XXI vek*, 2012, no 1, pp. 66–275. (In Russian)